

Научная статья

УДК 821.161.1.09

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-34-46

Брови, ситец и улыбка: некоторые особенности авторской интерпретации концепта *КРАСОТА* в поэзии Павла Васильева

Зифа Какбаевна Темиргазина

Павлодарский педагогический университет

Павлодар, Казахстан

temirgazina_zifa@pspu.kz, <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Аннотация

Концепт *КРАСОТА* в поэзии Павла Васильева обладает авторским художественным своеобразием, сохраняя в основе народный эстетический идеал красоты. Поэт проявляет повышенный эстетический интерес к такой детали лица, как брови, а также к гармоничности и пропорциональности фигуры человека. Для восприятия красоты женщины ему важны такие элементы одежды и обуви, как юбка, шаль, каблуки. Семиотически релевантна характеристика одежды по материалу – ситцевый, ситец, шелк. Развивая идеи оппозиции внешней и внутренней красоты и локализации внутренней красоты в глазах человека, Павел Васильев определяет locus душевной красоты в улыбке, в уголках губ женщины. В его творчестве наблюдается транскультурный симбиоз русского и казахского эстетических канонов красоты.

Ключевые слова

концепт, красота, Павел Васильев, транскультурность, авторская интерпретация, брови, ситец, ладный

Для цитирования

Темиргазина З. К. Брови, ситец и улыбка: некоторые особенности авторской интерпретации концепта *КРАСОТА* в поэзии Павла Васильева // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 34–46. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-34-46

Eyebrows, Chintz and a Smile: Some Features of the Author's Interpretation of the Concept *BEAUTY* in the Poetry of Pavel Vasiliev

Zifa K. Temirgazina

Pavlodar Pedagogical University

Pavlodar, Kazakhstan

temirgazina_zifa@pspu.kz, <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Abstract

Purpose. The article examines the features of the representation of the concept *BEAUTY* in the poetry of Pavel Vasiliev. In his work, there is a transcultural symbiosis of Russian and Kazakh aesthetic canons of beauty.

Results. Typically Kazakh features of a person's appearance look aesthetically attractive for the poet. He considers eyebrows to be an important part of a human beauty. A peculiar artistic interpretation of this detail of appearance is manifested in the epithets, in a dynamic metaphorical model [EYEBROWS → are BIRDS]. A relevant sign of beauty is the harmony – the proportionality of a person's figure. The peculiarities of understanding the beauty of a woman in-

© Темиргазина З. К., 2022

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 9: Филология. С. 34–46

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 34–46

clude close attention to such details of clothes and shoes as a skirt, a shawl and heels. The skirt in the process of metonymization replaces the woman [SKIRT instead of A BEAUTIFUL WOMAN]. Semiotically relevant is the characteristic of clothing made by the fabric – chintz, silk. In the semiosis of fabric as a sign of class affiliation and financial situation, such mechanism of analogy as the metonymy is involved. Developing and supplementing the ideas of oppositeness of external and internal beauty of a person and the localization of the internal beauty in his eyes, Pavel Vasiliev defines the locus of a spiritual beauty in a smile, in the corners of a woman's lips.

Conclusion. The concept of *BEAUTY* in Vasiliev's poetry has the individual and author's artistic and aesthetic features, and preserves the folk aesthetic ideal of beauty at its core.

Keywords

concept, beauty, Pavel Vasiliev, transculturality, author's interpretation, eyebrows, chintz, harmony

For citation

Темиргази́на З. К. Eyebrows, Chintz and a Smile: Some Features of the Author's Interpretation of the Concept *BEAUTY* in the Poetry of Pavel Vasiliev. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 9: Philology, pp. 34–46. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-9-34-46

Введение

В когнитивистике концепт считают элементарной составляющей языковой картины мира, который как единица когнитивной деятельности существует не только в общекультурном, но и в индивидуальном виде. Лингвисты, осуществляя концептуальный анализ, рассматривают проявление общественного этнического сознания, но концептуальный анализ дает также возможность реконструировать индивидуальные концепты, в том числе авторские. В сознании писателя общезыковой концепт преобразуется в авторский, или художественный, концепт, так как в него включаются актуальные для автора личностные художественно-эстетические смыслы [Темиргази́на, Жакупова, 2021]. Содержание художественного концепта составляют «не только образные представления, но и зафиксированные моменты специального знания, связанного с литературно-критическим, литературоведческим аспектом осмысления текстов» [Лошаков, 2007, с. 83–84].

Ученые-литературоведы говорят о перспективности использования понятия «авторский концепт» для более разностороннего и углубленного анализа художественного текста, оговариваясь при этом, что между лингвокультурологическим и литературоведческим анализом концепта существует принципиальное различие. И это различие демонстрирует В. Г. Зусман [2003] на примере реконструкции концепта *ДОМ* в его общезыковом и авторском воплощении, показывая невозможность использования художественных текстов в качестве материала для лингвокультурологического анализа.

Целью статьи является изучение некоторых авторских особенностей репрезентации концепта *КРАСОТА* в лирике Павла Николаевича Васильева, русского советского поэта, тесно связанного корнями с иртышским и сибирским казачеством. Васильев родился в 1910 г. в Казахстане в г. Зайсан. Большую часть своего детства и юности он провел в Павлодаре. После странствий по Сибири и Дальнему Востоку в 1929 г. он уехал в Москву, где за несколько лет активного поэтического творчества выдвинулся в ряды перспективных молодых советских поэтов. В 1937 г. был расстрелян по обвинению в заговоре «сибирской группы» с целью убийства Сталина. Впоследствии был реабилитирован Верховным судом СССР.

Концепт *КРАСОТА* достаточно хорошо изучен на лексикографическом материале, на материале фразеологии и паремиологии русского языка, а также в сопоставлении с английским, немецким, казахским и другими языками. С 2000 г. в языкознании начался «бум» изучения этого когнитивного явления, появились десятки диссертационных работ и сборников статей¹. Отдельных работ, посвященных исследованию художественного концепта *КРАСОТА*

¹ См.: Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Индрик, 2004; *Летуновская Н. В.* Лексико-семантическая репрезентация концепта «красота» в немецком и русском языках: Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004; *Мещерякова Ю. В.* Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004; *Клишцова Ю. В.* Лексико-семантические и когнитивно-деривационные аспекты гиперконцепта «Красота»: на материале английского и рус-

в творчестве тех или иных поэтов и писателей, намного меньше. Так, Н. М. Мухиной [2000] рассмотрены лексические средства объективации понятия красоты в поэзии Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой; Е. В. Севрюгина [2003] сопоставляет языковое выражение концептов *ЛЮБОВЬ* и *КРАСОТА* в поэзии Ф. И. Тютчева и У. Вордсворта; К. В. Сборошенко [2009] устанавливает комплекс метафорических репрезентаций концепта *КРАСОТА* в современных поэтических текстах.

Анализ поэтического концепта представляет собой многоэтапную процедуру, которая включает в себя обнаружение средств языковой объективации индивидуально-авторских концептуальных смыслов в лирических текстах, определение их места и роли в общем представлении концепта, установление соотношения общекультурного и художественного концептов. М. С. Берендеева, Н. А. Борзенкова представляют роль концептуального анализа в более широком контексте – как способ выявления индивидуально-авторского мировосприятия и миропонимания: «Концептуальный анализ текста направлен на выявление ключевых концептов, реализующихся в конкретном тексте (или совокупности текстов, например, в творчестве определенного автора, в цикле произведений и т. п.), поэтому позволяет получить представление о способах текстовой репрезентации индивидуальной картины мира автора анализируемого текста» [2020, с. 42].

Примеры языковой объективации индивидуально-авторского концепта в поэзии П. Васильева извлечены из Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), подкорпуса «поэтический» (ruscorpora.ru). Объем всего подкорпуса произведений Васильева в НКРЯ составляет 244 документа, 63 020 слов.

В исследовании используется также анализ словарных дефиниций, позволяющий выделить понятийные признаки общеязыкового концепта (Степанов, 2004, с. 46), которые становятся основой для конструирования речевого смысла в художественной концептуализации. Индивидуально-авторские смыслы выводятся путем контекстуального анализа и выявления специфического механизма аналогии: метонимии и метафоры. При метафорическом моделировании устанавливаются сфера-источник знаний (source domain) и сфера-мишень знаний (target domain) [Lakoff, Johnson, 2003, p. 186].

Частотность функционирования различных образно-поэтических средств выражения концепта *КРАСОТА* в поэтической картине мира Васильева определяется по количеству вхождений в НКРЯ.

Параметры красоты в поэтической картине мира П. Васильева

Красота определяется в толковом словаре следующим образом: «1. ед. Всё красивое, прекрасное, всё то, что доставляет эстетическое и нравственное наслаждение. *К. русской природы. К. поэтической речи. Отличаться красотой. Для красоты* (чтобы было красиво; разг.). 2. мн. Красивые, прекрасные места (в природе, в художественных произведениях). *Красоты юга. Красоты стилия. 3. красота!*, в знач. сказ. О чем-н. очень хорошем, впечатляющем, блеск (в 3 знач.) (разг.). *Погуляли, искупались*. К. I увел. красотища, -и, ж. (к 1 и 3 знач.; прост.)» (Ожегов, Шведова, 1992).

Значения многозначного слова объединены актуальными признаками: 1) ‘красивый внешний вид’ и 2) ‘доставляющий эстетическое и нравственное наслаждение’, которые составляют понятийный смысл общеязыкового культурного концепта *КРАСОТА*. Рассмотрим взаи-

ского языков: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007; *Мякишева Е. В.* Эстетическая оценка человека в современном русском языке: лингвистический и лингвокультурологический аспекты: Дис. ... канд. филол. наук, 2009; *Окунева И. О.* Концепт «красота» в русском и английском языках: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009; *Пак А. О.* Сопоставительное исследование концепта «красота» в китайском и русском языках: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009; *Каирова М. К.* Лексико-фразеологические способы репрезентации эстетической оценки внешности человека в русской и казахской языковых картинах мира: Дис. ... канд. филол. наук. Астана, 2010; *Черкашина Е. А.* Концепт «Красота» в русском языке // Вестник Таганрог. ин-та им. А. П. Чехова. 2014. № 2. С. 38–43 и др.

мосвязь общеязыковых и индивидуально-речевых смыслов в формировании художественного концепта КРАСОТА в поэзии Павла Васильева, его отдельные семантические признаки, актуализированные с помощью образных художественных средств выражения, свойственных его поэтическому мировоззрению. Для него носителями красоты прежде всего являются женщины. Для номинации красивых девушек и женщин он использует такие слова, как *красавица* (7 вхождений в НКРЯ), *красотка* (5 вхождений), *прекрасная* (3 вхождения), *пава* (3 вхождения), *прелесть* (1 вхождение), *красавка* (1 вхождение): *Я в тебя, прекрасная, влюблен* («Горожанка»)²; *Отбросив свой наряд с улыбкой, / К воде сошла, красавица...* («Я вышел на берег, играл...»); *Он ее жених, а красотка – его невеста* («Песня юго-западных славян»); *Называет «прелестью» и «павой»* («Стихи в честь Натальи»); *У сундуков незапертых на дне / Лежат красавки с шучьими хвостами* («Иртыш»).

Женская красота для поэта конкретизируется в ряде признаков внешнего вида – стройная, статная фигура, белая кожа, темнорювость, величавая походка:

С темными спокойными бровями,
Ты стройна, улыбчива, бела,
И недаром белыми руками
Ты мне крепко шею обняла
(«Анастасия»).

Поэт С. П. Залыгин подчеркивает близость поэта к народу, творческую приверженность фольклорным традициям: «Васильев не боится фольклора и даже лубка, ничего не боится в этой стихии» [Залыгин, 1968, с. 14]. Народная устно-поэтическая стихия прорывается в стихах Васильева в выражениях: *девка расписная, маков цвет Наталья, жар-малина девки*. Его метафоры и образные сравнения, передающие красоту женщины, во многом основываются на аналогии с явлениями природы, в соответствии с традициями русского устного народного творчества. Областью-источником являются цветы, ягоды, дыни, с их спелостью, сочностью: *румяные, белые, словно дыни спелые; маков цвет; самая спелая, самая смородина; жар-малина девки; розан ситцевый*. Метафоры построены по модели [КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА → это ФЛОРА]. Дж. Лакофф и М. Джонсон подчеркивают, что персонификация, или олицетворение, относится к самым естественным проявлениям механизма метафоризации: «Perhaps the most obvious ontological metaphors are those where the physical object is further specified as being a person. This allows us to comprehend a wide variety of experiences with nonhuman entities in terms of human motivations, characteristics, and activities» [Lakoff, Johnson, 2003, p. 33]. («Возможно, наиболее очевидными онтологическими метафорами являются те, в которых физический объект дополнительно определяется как личность. Это позволяет нам постигать широкий спектр переживаний, связанных с нечеловеческими сущностями, с точки зрения человеческих мотиваций, характеристик и действий.» – Перевод наш. – З. Т.).

В поэтике Васильева для изображения красивой девушки также используются орнитологические и зоологические метафоры и сравнения, источником которых выступает фауна (птицы или животные) и которые образованы по моделям [КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА → это ПТИЦА] или [КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА → это ЖИВОТНОЕ]: *птица слабая, лисанька, как голубя, лебедем* и т. п.

Лебедем входит и пляшет сестра
(«Круг по воде и косяя трава...»).

Да золотокожие жар-малина девки
(«Песня о гибели казачьего войска»).

² Далее все примеры из произведений Павла Васильева приводятся по НКРЯ.

Самая спелая, хоть боса.
Самая смородина Настя Босая...
(«Свадьба»).

И ведет невесту свою
Кружить ее – птицу слабую,
Травить ее, лисаньку, под улю-лю...
Зажать ее всю
Легонько в ладонь,
Как голубя!
(«Свадьба»).

Транскультурность художественного мировоззрения поэта, выросшего в условиях казахско-русского пограничья, с детства впитавшего образы двух разных миров, двух культур – русской и кочевой казахской, отражается и в его эстетических представлениях, порождением которых являются художественные тексты гибридной природы [Темиргазина, 2021, с. 38] (см. также: [Albekova, Kurmanova, 2021]). В них отмечается симбиоз двух эстетических канонов внешней красоты человека: русского и азиатского, казахского. Поэт называет себя киргизом, башкиром, подчеркивает в своей внешности азиатские черты: скуластость, смуглость, раскосость глаз: *Мы, башкиры, скулами остры* («Другу-поэту»); *Я по душе киргиз с раскосыми глазами* («Прощай, Владивосток»).

Они кажутся другим, особенно горожанкам-москвичкам, необычными и привлекательными: *«Им нравится, что я скуласт и желт»* («Каменотес»).

Азиатские черты поэт считает привлекательными, они отвечают его транскультурному гибриднему канону внешней красоты. Так, например, он называет Иртыш *«красавцем острокулым»* («Иртыш»).

Брови как специфически васильевский признак красоты человека

Особенностью интерпретации концепта *КРАСОТА* в поэтической картине мира Васильева является повышенный эстетический интерес к такой малозначительной и несущественной, с точки зрения народного канона красоты, детали внешности человека, как брови. Об этом свидетельствует частотность употребления лексемы *брови* в НКРЯ – 36 вхождений. С. П. Залыгин отмечает такую черту поэтики Васильева, как «подлинно поэтическая точность – антипод точности натуралистической. Натурализм не ищет “говорящей” детали, он тщетно хочет сказать всё обо всём, “всё как есть”, для него все детали равны и правомочны» [Залыгин, 1968, с. 8].

Лирический герой обращает внимание на такие внешние параметры бровей, как густота, ширина, цвет, их форма и др.: *С темными спокойными бровями* («Анастасия»); *Глаза смешливы, бровь густая / И платье белое до пят* («Христоробовские ситцы»); *Любимую с тяжелыми ноздрями, / С широкой бровью, крашенной в сурьме* («Август»); *Большеротые, с бровью сизой* («Соляной бунт»); *И ухажеров / Брови косые* («Гульбище»).

Брови способны своими движениями непосредственно передавать эмоции и настроение обладателя, например, лететь к виску, устремляться вверх под небеса от гнева, недовольства. М. Н. Эпштейн говорил о том, что «среди русских поэтов Васильев едва ли не самый крутой по характеру лирического героя», которого влечет всё стремительное, «косое по направлению – как хищный бросок. У него – “косые ветра”, птицы “косо” летят на добычу» [Эпштейн, 1990, с. 255]. Сверхдинамичность явлений, событий, объектов как черта поэтического мировосприятия Васильева отражается в выразительных экспрессивных метафорах, передающих стремительные движения бровей и построенных по модели [БРОВИ → это ПТИЦЫ]: *Бровь у него летит к виску* («Соляной бунт»); *Вдруг выросал / Бычий Малюта / С бровями, / Летящими под небеса* («Казнь»). Тонкие брови девушки поэт образно сравни-

вает со стрелой, догоняющей зверя: *С бровями тоньше, / Чем стрела, / Догоняющая зверя* («Песня о Серке»). Нахмуренные брови, сведенные к переносице, сравниваются с двумя собаками перед дракой: *У переносицы / Встретились брови, / Как две собаки перед грызней* («Соляной бунт»).

В интерпретации Васильева брови могут передавать характер человека – непокорность, строгость, крутость, веселый или спокойный нрав: *Как жгла, обезумев, шальная пурга / Твои непокорные брови* («Товарищ Джурбай»); *Ты не хмурь крутые брови* («Песня о Гибели казачьего войска»); *Девушка со строгими бровями* («По снегу сквозь темень пробежали...»); *И над веселой бровью шлем с широкой звездой* («Город Серафима Дагаева»); *С темными спокойными бровями* («Анастасия»). Брови можно получить в наследство от родителей, они могут быть *тяжелыми* и характеризовать человека как жесткого, несговорчивого: *Дала мне мамаша тонкие руки, / А отец – тяжелую бровь...* («Раненая песня»).

Брови у Васильева обладают этническим признаком. В стихотворении «Азиат» он рассказывает о настроении своего друга-казаха, выраженного в таких внешних квазисимптомах, как движение бровей: *...Азиатскую супит бровь*. Брови не только передаются по наследству, но и, по мнению поэта, могут быть выкованы искусным кузнецом из железа:

Дарены бусы каким молодцом?
Кованы брови каким кузнецом?
(«Круг по воде и косая трава...»).

Брови выступают в поэтической картине мира Васильева как эталон сравнения, например, дорога сравнивается у него с длинной атаманской бровью:

Дорога, ни разу
Не заплутав,
**Длинная, как
У атамана бровь**
(«Соляной бунт»).

О сугубо личной эмоциональной значимости для поэта такой детали внешности, как брови, говорит и то, что он использует в качестве обращения к любимой эпитет *темнобровая*: *Анастась!.. / Судьба!.. / Темнобровая!* («Соляной бунт»).

Ладный как характеристика стати человека

Частотной репрезентацией концепта КРАСОТА в поэзии Васильева является прилагательное *ладный* (10 вхождений в НКРЯ), которое он использует для эстетической характеристики красивых женщин, мужчин и даже детей: *Ширококостный, ладный мужик* («Казнь»); *Служивый да ладный, – вон ты каков!* («Рассказ о деде»); *В городе Атбасаре / Бабы ладные на базаре...* («Арсений Деров»); *Ну, значит, ладны будут дети, / Желтоволосы и крепки...* («Поверивший в слова простые...»).

В толковом словаре *ладный* определяется следующим образом: «прил. 1. Подходящий, удобный. 2. Хороший, дельный. 3. Хорошо сложенный, статный. 4. Хорошо, добротн сделанный» (Ефремова, 2006). *Ладный* употребляется Васильевым в 3-м значении. В его эстетических представлениях признак ладности, статности, пропорциональности телосложения является значимым параметром характеристики внешности человека. Эпитету *ладный* в тексте обычно сопутствуют другие прилагательные, которые обозначают релевантные для автора гендерно дифференцированные эстетические параметры: у мужчин – *ширококостный, служивый*, у женщин – *румяные, белые*, а также у детей – *желтоволосы и крепки*. Сопутствующие признаки имеют общий характер – они связаны со здоровьем человека или военной выправкой у мужчин. В стихотворении «Егорушке Клычкову» поэт выражает пожелание сынишке друга быть ладным:

Подрастай, ядрен и смел,
Ладный да проказливый...
 («Егорушке Клычкову»).

Русский народный эталон красоты складывался на основе крестьянских представлений о здоровом трудоспособном человеке с типичными внешними признаками физического здоровья: крепкое телосложение, стать, широкая кость, румянец на лице. Павел Васильев в авторской картине мира воплощает народный эстетический идеал человека, своеобразно преломляя его путем использования контекстуально обусловленных индивидуально-авторских средств [Темиргазина, Ибраева, 2021]. Индивидуальное в сфере художественного слова «создается под влиянием национальной эстетической традиции и всегда в той или иной мере подчинено ее конвенциям» [Миллер, 2005, с. 222]. Таким образом, в художественном произведении возникает собственно авторская идейно-эстетическая концепция, основывающаяся на народном каноне красоты, но творчески преобразующая весь предшествующий культурный фонд знаний.

Критерий *ладный* поэт использует для характеристики не только человека, но и коня, его стати, красоты, силы: **Ладный конь у командира** («Переметная застава...»).

Нарушение пропорций сложения, стати человека, ладности фигуры считаются некрасивыми и даже уродливыми, например, *уродец короткорукый, нескладный*:

А на сеновале **уродец короткорукый**
 За девкой ходил...
 Раз такой **нескладный**,
 Взяла да ушла.
 («Казнь»).

Детали одежды и обуви как составная часть внешней красоты

Как релевантные элементы красоты женщины в поэтической картине мира Васильева представлены элементы одежды и обуви – *шаль* (20 вхождений в НКРЯ), *серьги* (9 вхождений), *юбки* (7 вхождений), *высокие каблуки (каблучки)* (7 вхождений), *остроносые ботинки* (3 вхождения). Поэт всегда «видит» и отмечает эти важные детали во внешнем облике женщины: *На тебе ботинки с острым носом, / Те, которым век не будет сноса, / Шаль и серьги, вдетые в ушко; Шаль, которая тебе идет* («Анастасия»); *Рядом с кем московскими садами / На высоких каблуках идешь* («Горожанка»); *Ах, эти юбки в розовых цветах...* («Дорога»).

В строках *И юбки, пахнущие / Заграницей, / Веют, комнату бороздя...* («Одна ночь») поэт использует метонимическую аналогию, которая выполняет референциальную функцию: юбки заменяют светскую женщину, одетую в дорогие заграничные наряды, в соответствии с довольно распространенной метонимической моделью [ЧАСТЬ вместо ЦЕЛОГО] [Lakoff, Johnson, 2003, p. 33–37]. Она конкретизируется в авторской модели [ЮБКА вместо КРАСИВОЙ СЕТСКОЙ ЖЕНЩИНЫ].

Очень значимой характеристикой внешнего облика женщины (юбок, платьев, платков) в глазах поэта является ткань ее одежды: *ситцевый* (9 вхождений в НКРЯ) и *ситец* (22 вхождения). *Ситец, ситцевый* употребляются в прямом значении: *Пестрые глаза и юбок ситцы...* («К портрету»); *На траву отброшенным остался / Позабывтый ситцевый платок* («Палисад»). Поэт актуализирует в ситцевой ткани признаки летучести, легкости. В рамках концептуальной модели [ДВИЖЕНИЯ ЮБКИ → это СНЕЖНЫЕ ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ] он создает экспрессивные динамические метафоры *ситцевый буран, за ситцевою вьюгою, ситцевые метели*:

Ну и юбки! До чего летучи!
Ситцевый буран свиреп и лют...
(«Горожанка»).

И поднимали кругом карусели
Веселые **ситцевые метели**.
(«Конь»).

Голубь за голубкою,
Сапоги за юбкою,
За ситцевой вьюгою...
(«Свадьба»).

Поэт придает этой характеристике знаковый характер. Ситец – типичная ткань небогатых горожанок и казаков, для Васильева это знак сословной принадлежности, а также символ женской скромности:

О, твои скромные
Платья **ситцевые**...
(«Но вот наступает ночь...»).

Он использует слово *ситцевая* при обращении к любимой, и оно означает не ткань одежды любимой девушки, а приобретает образно-символические смыслы ‘родная’, ‘близкая’, ‘своя’: *Вся ситцевая, летняя, приснись...* («Вся ситцевая, летняя, приснись...»). Метафора *розан*, рисующая образ красивой, цветущей девушки, сопровождается эпитетом *ситцевый*, в котором метонимически описывается ткань ее одежды: *Всё ж Настенька похожа / На розан ситцевый, как ни крути* («Дорога»).

Главной темой одной из знаменитых поэм Васильева является ситец, производимый на вновь построенном советском комбинате. Она так и называется «Христоробовские ситцы» по имени художника, создающего росписи ситцев. Пасху, *троицын фабричный день*, поэт тоже описывает с помощью эпитета *ситцевый*, в котором актуализируется признак сословной принадлежности – основной ткани одежды казаков и фабричных рабочих:

На эту **ситцевую пасху**,
На троицын
Фабричный день,
Забыв про всякую опаску,
Шло сорок девять деревень.
(«Христоробовские ситцы»).

Ситцу Васильев противопоставляет *шелк* (8 вхождений в НКРЯ), в который наряжаются купеческие дочери и жены. Он, в свою очередь, является знаком богатства и сословной принадлежности:

И когда
В купеческом клубе шел
Сын Синицына Федула – Артемий, –
Отцы сторонились
И, **одетые в шелк**,
Невесты от волнения потели.
(«Синицын и Ко»).

Простые девушки могут лишь мечтать о шелке:

Принеси, когда таков ты,
Шелк, что снился ей во сне...
(«У тебя ль глазищи сини...»).

В семиозисе ситца и шелка как знаков сословной принадлежности и материального благосостояния участвует метонимическая модель [ТКАНЬ вместо СОСЛОВИЯ / МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ], на основе которой поэт создает уникальные экспрессивно-художественные словесные образы в своей поэтической картине мира.

Внутренняя красота и ее локализация в трактовке Васильева

В русской наивной картине мира носители языка и культуры всегда различали внешнюю и внутреннюю красоту, нередко противопоставляя их друг другу (см. об этом: [Мещерякова, 2004; Зализняк и др., 2005; Nikolaenko et al., 2020]). Эта идея нашла отражение и в васильевском понимании красоты. Принципиально важными для авторского понимания красоты являются следующие строки:

Не говори, что **верблюд некрасив**, –
Погляди ему в глаза.
Не говори, что **девушка нехороша**, –
Загляни ей в душу.
(«Не говори, что верблюд некрасив...»).

Поэт проводит параллель между верблюдом и девушкой. Верблюд – экзотическое, «чужое» для русских животное, но в транскультурной картине мира Васильева это привычное, знакомое, близкое, а значит, прекрасное животное. Так, например, ему посвящено отдельное стихотворение «Верблюд».

Душу, внутренний мир человека, согласно русской языковой картине мира, можно увидеть в его глазах [Гудков, Ковшова, 2007, с. 160–161]. Васильев также видит красоту души любимой в глубине ее глаз:

В твои **глаза**,
В их глубину дневную
Смотрю – не вижу выше красоты...
(«Лирические стихи»).

Кроме того, он полагает, что душа женщины, ее внутренняя красота гнездится в такой «малости», как уголки губ, улыбка женщины:

А **улыбка** – ведь какая малость! –
Но хочу, чтоб вечно улыбалась, –
До чего тогда ты **хороша!**
До чего доступна, недотрога,
Губ углы приподняты немного –
Вот где помещается душа.
(«Стихи в честь Натальи»).

Внутренняя красота, по мнению поэта, проявляется в улыбке, в спокойствии, в гармонии с собой. Красивыми чертами он считает сопереживание и понимание душевных устремлений других. В стихотворении «Анастасия» лирический герой безуспешно призывает подругу к взаимопониманию (*вслушайся*), но не получает душевного отклика от нее. Стихотворение заканчивается строками:

Девка расписная,
Дура в лентах, серьгах и шелках!
(«Анастасия»).

При расхождении внешней и внутренней красоты в человеке поэт однозначно отдает предпочтение внутренней красоте: если девушка внешне нехороша, но обладает прекрасны-

ми душевными качествами, то для него она красавица. И наоборот, девушку, обладающую только внешней красотой при душевной черствости, эгоизме, называет *дурой в лентах, серьгах и шелках*.

Красоту женщины, по мнению Васильева, можно назвать *бесстыжей*, если внешняя красота противоречит поведению женщины – некрасивому, разнузданному, нарушающему правила приличия [Темиргазина, 2013]:

Бабы, за руки взявшись,
Пели
И приплясывали, свища,
Красотой бесстыжей
Красивы,
Пьяны праздничною кутерьмой,
Разукрашены на диво...
(«Гульбище»).

Заключение

Языковая объективация концепта *КРАСОТА* в поэтической картине мира Васильева демонстрирует, что поэт придерживается русского народного идеала красоты. В его поэтике для образного описания женской красоты используются фольклорные образные средства, устно-поэтические метафоры и сравнения; частотны типичные для русской лингвокультуры метафорические модели, источником которых выступают птицы, звери, цветы, ягоды. Однако важно отметить, что в эстетических канонах внешности находит отражение транскультурный характер художественного мировосприятия Васильева, проявляющийся в симбиозе русского и казахского канонів красоты. Поэт находит красивыми, помимо чисто славянских черт внешности, типично азиатские черты: смуглость, раскосость, скуластость.

Васильевым своеобразно интерпретируются некоторые тенденции в общекультурном понимании красоты, что придает концепту особый смысловой колорит. Он проявляет повышенный эстетический интерес к такой детали лица, как *брови*, считая их не только важным элементом внешней красоты, но и показателем ментального мира человека. Еще одной специфической чертой в понимании красоты женщины является обостренное внимание к таким элементам одежды и обуви, как юбка, шаль, каблуки. В этом плане семиотически значимой становится характеристика ткани одежды – *ситецевый, ситец*. Развивая идеи бинарности красоты в человеке (существование внешней и внутренней красоты) и локализации внутренней красоты в общеязыковом концепте, Павел Васильев полагает, что, кроме общепринятой локализации – в глазах человека, душа помещается в уголках губ, в улыбке женщины.

Таким образом, концепт *КРАСОТА* в поэзии Васильева интерпретируется в соответствии с его авторскими художественно-эстетическими представлениями, сохраняя в значительной степени черты русского народного эстетического идеала красоты.

Список литературы

- Берендеева М. С., Борзенкова Н. А. Репрезентация индивидуально-авторской картины мира кинорежиссера Андрея Тарковского в рассказе «Белый день» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 2: Филология. С. 40–56. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-40-56
- Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
- Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.

- Залыгин С. П.** Просторы и границы (о поэзии Павла Васильева) // Павел Васильев. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1968. С. 5–20.
- Зусман В. Г. Концепт в системе научного знания // *Вопр. литературы*. 2003. № 2. С. 3–17.
- Лошаков А. Г.** Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен. Архангельск: Поморский ун-т, 2007. 344 с.
- Мещерякова Ю. В.** Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 232 с.
- Миллер Л. В.** Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира: На материале русской литературы: Дис. ... д-ра филол. наук. М.: РГБ, 2005. 303 с.
- Мухина Н. М.** Репрезентация идеи красоты в поэзии Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 214 с.
- Сборошенко К. В.** Метафорическая репрезентация концепта «красота» в современной поэзии: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009. 236 с.
- Севрюгина Е. В.** Языковое отражение концептов «любовь» и «красота» в поэзии Ф. И. Тютчева и У. Вордсворта: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 251 с.
- Темиргазина З. К.** Транскультурность и ее проявление в поэтике лирических текстов // *Вестник РУДН. Полилингвильность и транскультурные практики*. 2021. № 18 (1). С. 29–43. DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43
- Темиргазина З. К., Ибраева Ж. Б.** Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева) // *Вестник Том. гос. ун-та. Филология*. 2021. № 72. С. 290–307. DOI 10.17223/19986645/72/16
- Темиргазина З. К., Жакупова Г. К.** Гармония и дисгармония: акустическая оппозиция в ранней лирике Александра Блока // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2021. Т. 12, № 1. С. 137–152. DOI 10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152
- Эпштейн М. Н.** «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990. 303 с.
- Albekova A., Kurmanova Z. et al.** One more time about the heart: naive anatomy in the Kazakh language in comparison with Russian and English. *Przegląd Wschodnioeuropejski*, 2021, vol. 12, no. 2, pp. 459–475. DOI 10.31648/pw.6876
- Lakoff G., Johnson M.** *Metaphors We Live By*. London, The Uni. of Chicago Press, 2003, 276 p.
- Nikolaenko S., Akosheva M., Luczyk M. et al.** “Naive anatomy” in the Kazakh language world picture in comparison with English and Russian. *XLinguae*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 3–16. DOI 10.18355/XL.2020.13.02.01
- Temirgazina Z.** Effective Communicative Strategies and Tactics in Verbal Aggression Situations. *World Applied Sciences Journal*, 2013, vol. 24 (6), pp. 822–825.

Список источников и словарей

- Ефремова Т. Ф.** Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. М.: АСТ, 2006. URL: <https://www.efremova.info> (дата обращения 16.05.2021).
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения 04.05.2021).
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «Азъ», 1992. URL: <http://ozhegov.info/slovar> (дата обращения 10.06.2021).
- Степанов Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 991 с.

References

- Albekova A., Kurmanova Z. et al.** One more time about the heart: naive anatomy in the Kazakh, Russian and English pictures of the World. *Przeglad Wschodnioeuropejski*, 2021, vol. 12, no. 2, pp. 459–475. DOI 10.31648/pw.6876
- Berendeeva M. S., Borzenkova N. A.** The Representation of the Film Director Andrei Tarkovsky's Individual Artistic Worldview in the Short Story *A White, White Day*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 2: Philology, pp. 40–56. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-40-56
- Epshteyn M. N.** “Priroda, mir, tainik vselennoi...”: Sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poezii [“Nature, the world, the secret of the universe...”: The system of landscape images in Russian poetry]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, 303 p. (in Russ.)
- Gudkov D. B., Kovshova M. L.** Telesnyi kod russkoi kul'tury: materialy k slovaryu [The bodily code of Russian culture: materials for the dictionary]. Moscow, Gnozis, 2007, 288 p. (in Russ.)
- Lakoff G., Johnson M.** *Metaphors We Live By*. London, The Uni. of Chicago Press, 2003, 276 p.
- Loshakov A. G.** Sverkh tekst kak slovesno-kontseptual'nyi fenomen [Supertext as a verbal-conceptual phenomenon]. Arkhangelsk, Pomorskiy Uni. Press, 2007, 344 p. (in Russ.)
- Meshcheryakova Yu. V.** Kontsept “krasota” v angliiskoi i russkoi lingvokul'turakh [The concept of “beauty” in English and Russian linguocultures]. Cand. of Art History Diss. Volgograd, 2004, 232 p. (in Russ.)
- Miller L. V.** Lingvokognitivnye mekhanizmy formirovaniya khudozhestvennoi kartiny mira: Na materiale russkoi literatury [Linguo-cognitive mechanisms of the development of an artistic picture of the world: Based on the material of Russian literature]. Dr. of Art History Diss. Moscow, RSB, 2005, 303 p. (in Russ.)
- Mukhina N. M.** Rerezentatsiya idei krasoty v poezii N. S. Gumileva i A. A. Akhmatovoi [Representation of the idea of beauty in the poetry of N. S. Gumilyov and A. A. Akhmatova]. Cand. of Art History Diss. Ekaterinburg, 2000, 214 p. (in Russ.)
- Nikolaenko S., Akosheva M., Luczyk M. et al.** “Naive anatomy” in the Kazakh language world picture in comparison with English and Russian. *XLinguae*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 3–16. DOI 10.18355/XL.2020.13.02.01
- Sboroshenko K. V.** Metaforicheskaya reprezentatsiya kontsepta “krasota” v sovremennoi poezii [Metaphorical representation of the concept “beauty” in modern poetry]. Cand. of Art History Diss. Chelyabinsk, 2009, 236 p. (in Russ.)
- Sevryugina E. V.** Yazykovoye otrazheniye kontseptov “lyubov” i “krasota” v poezii F. I. Tyutcheva i U. Vordsvorta [Linguistic reflection of the concepts “love” and “beauty” in the poetry of F. I. Tyutchev and W. Wordsworth]. Cand. of Art History Diss. Moscow, 2003, 251 p. (in Russ.)
- Temirgazina Z.** Effective Communicative Strategies and Tactics in Verbal Aggression Situations. *World Applied Sciences Journal*, 2013, vol. 24 (6), pp. 822–825.
- Temirgazina Z. K.** Transkul'turnost' i ee proyavleniye v poetike liricheskikh tekstov [Transculturality and Its Manifestation in the Poetics of Lyric Texts]. *Vestnik RUDN. Polilingvial'nost' i transkul'turnyye praktiki* [Bulletin of the RUDN. Polylinguality and transcultural practices], 2021, no. 18 (1), pp. 29–43. (in Russ.) DOI 10.22363/2618-897X-2021-18-1-29-43
- Temirgazina Z. K., Ibraeva Z. B.** Nablyudatel' v poeticheskom narrative (na primere stikhotvorenii P. Vasil'eva) [Observer in poetic narrative (on the example of P. Vasiliev's poems)]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 2021, no. 72, pp. 290–307. (in Russ.) DOI 10.17223/19986645/72/16
- Temirgazina Z. K., Zhakupova G. K.** Garmoniya i disgarmoniya: akusticheskaya oppozitsiya v rannei lirike Aleksandra Bloka [Harmony and Disharmony: Acoustic Opposition in the Early Lyrics of Alexander Blok]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 137–152. (in Russ.) DOI 10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152

- Zaliznyak Anna A., Levontina I. B., Shmelyov A. D.** Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira [Key ideas of the Russian language picture of the world]. Moscow, Yazyki slavyan-skoi kul'tury, 2005, 540 p. (in Russ.)
- Zalygin S. P.** Prostory i granitsy (o poezii Pavla Vasil'eva) [Spaces and borders (on the poetry of Pavel Vasiliev)]. In: Pavel Vasil'ev. Stikhotvoreniya i poemny [Pavel Vasiliev. Verses and poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1968, pp. 5–20. (in Russ.)
- Zusman V. G.** Kontsept v sisteme nauchnogo znaniya [Concept in the system of scientific knowledge]. *Voprosy literatury*, 2003, no. 2, pp. 3–17. (in Russ.)

List of Sources and Dictionaries

- Efremova T. F.** Sovremennyyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. In 3 vols. Moscow, AST, 2006. (in Russ.) URL: <https://www.efremova.info> (accessed 16.05.2021).
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. (in Russ.) URL: <https://ruscorpora.ru> (accessed 04.05.2021).
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu.** Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Az" Publ., 1992. (in Russ.) URL: <http://ozhegov.info/slovar> (accessed 10.06.2021).
- Stepanov Yu. S.** Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd ed. Moscow, Akademicheskii proekt, 2004, 991 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Зифа Какбаевна Темиргазина, доктор филологических наук
Scopus Author ID 55776658000
WoS Researcher ID AAC-7121-2020
RSCI Author ID 449512
SPIN 5217-4225

Information about the Author

Zifa K. Temirgazina, Doctor of Sciences (Philology)
Scopus Author ID 55776658000
WoS Researcher ID AAC-7121-2020
RSCI Author ID 449512
SPIN 5217-4225

*Статья поступила в редакцию 03.10.2021;
одобрена после рецензирования 29.01.2022; принята к публикации 02.02.2022
The article was submitted 03.10.2021;
approved after reviewing 29.01.2022; accepted for publication 02.02.2022*